

УДК 1(091)

Длугач Т.Б.

300-летие Дени Дидро

Длугач Тамара Борисовна, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН, член Международного Фейербаховского общества (Германия); член Международного Когеновского общества (Швейцария)

E-mail: dlugatsch@yandex.ru

Философия Дени Дидро представлена сквозь призму его работы над Энциклопедией, а также таких произведений, как «Племянник Рамо» и «Жак-фаталист», наиболее ярко характеризующих философскую программу их автора. Позиция Дидро анализируется в сравнении со взглядами д'Аламбера и Гольбаха.

Ключевые слова: эпоха Просвещения, Энциклопедия, Дени Дидро, д'Аламбер, Гольбах, сократическое мышление, парадокс, воспитание, природа, необходимость, свобода, случайность.

Последние несколько лет – эпоха славных юбилеев. Только что мы отметили 300-летие Руссо, теперь – 300-летие Дени Дидро (1713–1784) – замечательного мыслителя и мужественного борца.

Слава шествовала по жизненному пути Дидро разными тропами. Во-первых, как известно цивилизованным читателям это слава создателя Энциклопедии.

Имя это стало нарицательным благодаря Дидро. В 1749 г. он получает от издателей Миллса и Селлиуса перевести с английского языка словарь Э. Чомберса; перевод этот вылился в издание 17 томной (плюс еще 10 томов рисунков и чертежей) Энциклопедии. Надо сказать, что этот титанический труд забрал у Дидро почти всю его жизнь: 1 том вышел в 1751 г., а последний в 1772 г.; умер же Дидро в 1784 г. С самого начала он загорелся желанием собрать все сведения о науках, искусствах и ремеслах. Кроме того, в Энциклопедии прозвучал голос представителей 3-его сословия, и если там печаталась статья «Тиран», то можно было найти сходство описываемого тирана с Людовиком XV. Дидро собрал вокруг Энциклопедии самых знаменитых людей своего времени – Вольтера, Монтескье, Бюффона, др. Это была неформальная группа объединенных общими духовными интересами, политическими устремлениями, жизненным опытом людей.

Дидро написал в Энциклопедию 1200 статей и отредактировал почти все. После 1758 г., когда с поста главного соредатора ушел д'Аламбер, на долю одного Дидро выпало и издание, и редактирование. Энциклопедию не раз арестовывали, запрещали печатание, и в Предисловии к VII тому Дидро, обращаясь к читателю, просил не судить «энциклопедистов» слишком строго, что они ежеминутно ждали ареста, работали ночами и имели очень мало средств – от немногих меценатов.

Среди участников были и бедные авторы (Руссо), и богатые (Гольбах), но все были воодушевлены одним духом свободы и оптимизма; все были уверены в скором изменении ситуации, в обретении более человеческих условий жизни народа.

После выхода Энциклопедии все европейцы и многие американцы стали энциклопедистами. Заслуга Дидро в этом неоценима. Но несмотря на то, что почти все время было отдано Энциклопедии (и путешествие в Россию, предпринятое им в 1773 г., было связано с желанием сделать 2-ое издание Энциклопедии), Дидро пишет в это время два замечательных философских романа, «Племянника Рамо» и «Жака-фаталиста», речь о которых впереди.

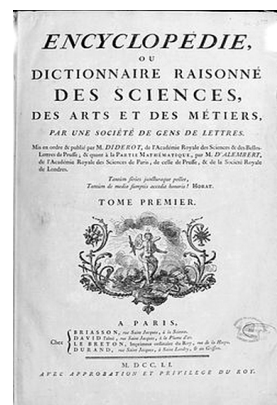
С точки зрения собственно философской Дидро вписал свои строки в философскую страницу XVIII века. Оценивая эту его деятельность, известная французская исследовательница Э. де Фонтенэ назвала его материализм «очарованным»¹, а Ж. Шуйе охарактеризовал Дидро как «поэта энергии»².

¹ См. de Fontenay É. *Diderot ou le Matérialisme enchanté*. Paris: Grasset, 1981.

² См.: Chouillet J. *Diderot*. Paris: Societe d'Edition d'Enseignement Supérieur, 1977.

Дени Дидро (Denis Diderot; 1713–1784), портрет кисти Л.-М. ван Лоо (1767)

Титульный лист первого тома Энциклопедии

Зрелый Дидро – это «Мысли об изучении природы», «Философские принципы относительно материи и движения», трилогия с Дидро и д'Аламбером, «Салоны», «Элементы физиологии» и два уже названных диалога. Дидро входил в круг материалистов своего времени – Ламетри, Гольбаха, Гельвеция – но его материализм был особый: в отличие от них он не стремился создать единую систему бесспорных философских истин, а, скорее, пытался – для большей истинности, поставить их под сомнение. Поэтому почти все его произведения написаны в жанре диалогов и нередко заканчиваются вопросами, а иногда включают сны, гипотезы, догадки. Так, Дидро ставит вопрос о том, что молекула мертвой материи, соединенная с молекулой мертвой материи, дает мертвую материю, а та же молекула, соединенная с молекулой живой материи, что образует? В диалоге д'Аламбера и Дидро обсуждаются проблемы связи живой и неживой природы, возникновения одной из другой, что в то время ставилось очень остро.

Жан Лерон д'Аламбер (Jean Le Rond d'Alembert; 1717–1783), ученый-энциклопедист, философ, математик и механик. Член Парижской академии наук, Французской Академии, Петербургской АН

Клод Адриан Гельвеций (Claude Adrien Helvétius; 1715–1771), философ-материалист и литератор

Поль Анри Тюр Гольбах (Paul-Henri Thiry, baron d'Holbach; Paul Heinrich Dietrich Baron von Holbach, 1723–1789), философ, писатель, энциклопедист, иностранный почетный член Петербургской АН

Жюльен Оффре де Ламетри (Julien Offray de La Mettrie; 1709–1751), врач, философ-материалист, первым во Франции последовательно изложивший систему механистического материализма

Если у Гольбаха и других французских материалистов единицей материи был атом, а образцом движения – механическое движение, то Дидро выбирает в качестве единицы не атом, а молекулу. Его интерес связан с химией, а не механикой; благодаря этому он может рассматривать превращения веществ, а механическое движение представлять как следствие действия внутренней силы материи. В каждой молекуле, по Дидро, есть три силы – внешняя, внутренняя и сила тяготения. Если мы думаем, что какое-то тело не движется, то это заблуждение – просто налицо уснувшая сила, как в потухшем вулкане. Сила, действующая на молекулу, иссякает; внутренняя сила не иссякает никогда, она неизменна, вечна. Молекулы и есть простейшие элементы гетерогенности. Там, где для д'Аламбера существует лишь «смежность» (рядоположенность), для Дидро существует взаимосвязь органов и частей. Можно рассматривать эти отдельные части как соединения пчел в единой грозди, «между которыми закон непрерывности поддерживает абсолютную симпатию, единство, тождество»¹.

В отличие от Гольбаха, Дидро вовсе не уверен в том, что постепенное присоединение друг к другу молекул создает также и живой организм; приводя в пример обычное куриное яйцо, Дидро говорит о том, что «рассматривала развитие яйца и некоторые другие естественные явления, я ясно вижу, как инертная по видимости, но организованная материя переходит, при посредстве чисто физических явлений, от состояния инерции к состоянию чувствительности и жизни; но от меня ускользает необходимая связь всех звеньев этого перехода»². Вот такие догадки, вопросы, стремление проникнуть в суть вещей составляют специфику мышления Дидро. Гипотеза о всеобщей чувствительности материи позволяет создать основу для единства природы.

«Вечными загадками» остались для Дидро поставленные вопросы, и в своих последующих работах они создают почву для предположения о противоречиях, существующих внутри любого существа и внутри мышления, что дало возможность Г. Гейне, перефразируя слова Ф. Энгельса, сказать, что был в эпоху Просвещения, по крайней мере один человек, в котором её мышление осознало себя как диалектическое, и этим человеком был Дени Дидро. Это же говорил и Г. Гегель³. Однако большинство исследователей следовало мысли, что в философском оркестре своего времени Дидро сыграл партию второй скрипки. Но внимательный анализ сочинений Дидро, прежде всего его двух знаменитых диалогов и «Парадокса об актере», убеждает в том, что это не так.

Неожиданно для самого себя, Дидро обнаруживает, что однозначные естественные и философские выводы его современников прерываются противоречивым движением мысли; результаты познания в некотором смысле не соответствуют процессу их нахождения. На пути к результатам мысль как бы «сбивается» с верного пути, отклоняется в разные стороны и даже «впадает» в противоречие с самой собой.

Эту ситуацию Дидро назвал парадоксом. В этом одна из особенностей мышления Дидро, которую многие исследователи называли сократической⁴, и в юбилейном издании его сочинений в 1984 г. IV том, где содержится

¹ Дидро Д. Собр. соч. в 10-т. М.–Л., 1936–1947. Т. I. С. 387.

² Там же. Т. II. С. 148.

³ См.: Гегель. Соч.: В 14 т. М., 1959. Т. IV.

⁴ См., напр.: Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. М.: Терра-

знаменитые диалоги, «Племянник Рамо» и «Жак-фаталист», назван «Сократ Просвещения», Дидро в отличие от своих единомышленников погружает нас и делает это в значительной степени сознательно – во внутренний интерьер их мышления. Дидро интересует не только то, **что** они думают, но и **как** они думают, каким образом строится рассуждение.

Не означает ли это, что наряду с одногласной непротиворечивой логикой существует иная, парадоксальная, двухголосная, диалогичная логика? – Очевидно, форма диалога выбрана Дидро совсем не случайно.

История двух знаменитых диалогов Дидро (написаны в 1773 г.) в своем роде единственная: оба они первоначально были прочтены и оценены Гете и Шиллером в рукописи, т. к. в печати они в то время не появлялись. «Племянник Рамо» вышел в свет в 1804 г. в переводе Гете. Когда в 1821 г. готовилось издание сочинений Дидро на языке оригинала, Гете выступил как судья-эксперт этого сочинения.

Форма диалога позволяет в полной мере развернуть аргументацию двух персонажей, при этом показывается, как аргументы одного переходят в аргументы другого, а также то, что каждый противоречит сам себе. В ответ на упреки философа (собирательный образ), что он живет не как следует, племянник (знаменитого композитора) Рамо отвечает, что любит вкусно есть и сладко спать и не хочет работать. Но таким его создала природа. «Кем был бы наш друг Рамо, если бы в один прекрасный день он вдруг стал выказывать презрение к богатству и женщинам, к хорошему столу, к праздности и вздумал корчить из себя Катона? – Лицемером. Рамо должен быть самим собой»¹. На это философ отвечает, что тогда лучше сидеть на чердаке и питаться сухой коркой хлеба. Рамо тут же спрашивает: а где обитает это существо? – Его нет. Да и пропаганда аскетизма не укладывается в уста философа-просветителя, ориентирующегося на природу. Рамо как бы защищает именно его позицию. – Человек должен быть самим собой, таким, каким сотворила его природа. Если бы случайно добродетель вела к богатству, продолжает Рамо, я был бы добродетельным или притворялся добродетельным не хуже всякого другого. «Что же касается пороков, то о них позаботилась сама природа»². Розенкранц подчеркивает как раз то, что Рамо защищает точку зрения просветителей, их установку на природу³. Поскольку Дидро стремится выявить противоречие, ему удастся в ходе напряженного спора Рамо и философа довести до логического завершения те взгляды просветителей, в которых природное отождествлялось с индивидуально-природным и физическим и обнаружить, что не все в индивидууме разумно и не всякий естественный человек – идеал; выявляется социальная сущность человека. Философ поэтому отступает в конце концов от своих взглядов. Он признает, что житейские блага, конечно, необходимы, но не всякую цену можно за это платить и, как уже говорилось, отступает от своей точки зрения и призывает жить на чердаке и питаться сухой коркой хлеба.

По сути дела, спор идет о природе и воспитании. Известно, что природа для просветителей была тем центром, вокруг которого вращались все их рассуждения. Природа была как будто единственной основой человеческой жизни и всех социальных явлений. Но, как ни парадоксально, чем последовательнее разворачивается доказательство в пользу природы, тем с большей необходимостью вырисовывается нужда в воспитании. Ведь если природа – основа всего, то и пороки коренятся в ней, как заметил Рамо. Воспитание должно исправить природу. Но не оказывается ли тогда, что в просветительской идеологии имеется не один центр-природа, а два – природа и воспитание, и последнее даже более могущественное, т. к. оно переделывает природу? Однако на что ориентируется само воспитание? – Ему не на что равняться, как не на природу. Получается, что, двигаясь от природы, мы приходим к воспитанию, и наоборот. Это Дидро и назвал парадоксом. За ним скрывается диалектическое противоречие.

Когда речь, например, заходит о воспитании, то Рамо на вопрос философа: как случилось, что, будучи так чувствителен к прекрасному, он совершенно слеп к красотах морали, Рамо отвечает, что во всем виновата молекула (т.е. природа). «У моего отца и дяди одна кровь; у меня кровь та же, что у отца; отцовская молекула была груба и невосприимчива, и эта проклятая молекула переделала на свой лад всё остальное»⁴. Поэтому Рамо и не верит в силу воспитания. Когда его спрашивают, будет ли он воспитывать своего сына, он отвечает отрицательно: если природа предназначила ему быть честным человеком, я поперек дороги не встану; если же он должен стать негодяем, вроде его папаши, то воспитание ничего не сделает. Оно все время сталкивалось бы с молекулой, и он шел бы по жизни все время криво. – Как будто Рамо последователен, но позже обнаруживается, что нет. Позже он приходит к выводу, что сына необходимо воспитывать; ведь если ему предоставить расти, как растет трава (само это сравнение не случайно), то если к его ребяческой глупости прибавится сила 30-летнего мужчины, он может убить своего отца и осквернить ложе своей матери. И позже, когда Рамо выгоняют из хлебосольного дома за высказанную правду о прихлебателях, и философ спрашивает, зачем он её высказал, Рамо отвечает, что «есть же чувство собственного достоинства [которое, как известно, не естественно – Т.Д.], оно и пересиливает всё». Внутреннее противоречие во взглядах Рамо налицо. Оказалось, что он спорит не только с философом, но и сам с собой. Это диалектическое противоречие, или, как называет его Дидро, парадокс, отыскивается в рассуждениях всех просветителей, и Дидро выступает как рефлектирующий мыслитель. И в этом его заслуга – открыть диалектическое противоречие в мышлении своих друзей. И делает это он сознательно. Итак, целостность мышления Просвещения определяется как нечто гетерогенное и внутренне противоречивое.

Другой диалог «Жак-фаталист» увидел свет также при участии Гете; в 1785 г. одна из новелл этого романа была переведена им, а в 1792 г. появился его полный текст. Гете сравнивал этот роман с изысканным кушаньем, которым он наслаждался. Это свидетельствует о высоких художественных достоинствах романа, а также об

Канон-Пресс-Ц, 2000. Т. 1; Rosenkranz K. *Diderot's Leben und Werke*: In 2 Bde. Leipzig, 1866; Rush J. "Diderot, Socrate, et l'Esthétique de la farce dans *Le Neveu de Rameau*." *Eighteenth-Century Fiction* 6.1 (1993): 47-64; Jauss H.R. "Le Neveu de Rameau Dialogique et dialectique (ou: Diderot lecteur de Socrate et Hegel lecteur de Diderot)." *Revue de Métaphysique et de Morale* 89.2 (1984): 145-181; Foucault D. "Diderot, Vanini, le courage socratique et le jugement de la postérité." *Anabases* 13 (2011): 121-129.

¹ Дидро Д. Собр. соч. Т. IV. С. 132.

² Там же. С. 148.

³ См.: Rosenkranz K. *Op. cit.*

⁴ Дидро Д. Собр. соч. Т. IV. С. 177.

интересе, который испытывала немецкая интеллектуальная элита к французской литературе. «Жак-фаталист и его хозяин» также посвящен обнаружению противоречия, но уже – между необходимостью и свободой, а также случайностью. Подобно Гольбаху и Гельвецию, Дидро уверен в том, что всё в мире совершается по необходимости, т.е. что существует фатум; однако вся аргументация в его пользу оборачивается утверждением случайности и свободы. Дидро, как и другие, не понимает, почему существуют противоречия, но он видит, что от них избавиться нельзя, что ими пронизана вся человеческая жизнь.

В «Жаке-фаталисте» тоже как будто нет никакого сюжета – путешествует хозяин со своим слугой Жаком и разговаривают о случившихся с ними приключениях.

Дидро намеренно характеризует Жака как ученика Спинозы, который, следовательно, должен не смеяться, не плакать, а понимать, и понимать, что все совершается фатально. Но чем больше задает ему хозяин, да и он сам себе, вопросов, тем яснее обозначается, что фатальности как бы нет.

Сначала Жак уверяет, что всё предопределено: «Как! В великом свитке [судьбы – *Т.Д.*] написано: «Жак в такой-то день сломит себе шею – и Жак шей не сломит? Неужели вы предполагаете, что это возможно, кто бы ни был автором великого свитка [судьбы – *Т.Д.*]?»¹. – Но раз Жак должен не смеяться, не плакать, а понимать, то можно подумать, что он был всегда спокоен, не гневался, не радовался... Но Дидро замечает, что это не так, что Жак вел себя так же, как мы с вами – сердился на несправедливого человека, благодарил доброго. Если ему замечали, что он ведет себя подобно собаке, кусающей камень, которым её побили, он отвечал: «Камень, укушенный собакой, не исправится, а несправедливого человека палка проучит. Если же опять-таки замечали, что он ведёт себя непоследовательно», Жак парировал: если судьба предусмотрела всё, то она предусмотрела и это несоответствие, и это также является покорностью судьбе, только более удобной и легкой.

В самом деле, ведь человек не знает, что ему на роду написано, поэтому ведет себя так, как ему заблагорассудится, т.е. по сути дела... свободно. Дидро не доходит до понимания свободы как самостоятельности человека, однако подходит к этому очень близко. Для него свобода выступает как многозначность поступков человека и как отсутствие предопределенности.

Ни Гольбах, ни Гельвеций, ни Ламетри не видели никакого противоречия в том, что признание фатальности происходящего не отрицает нравственности и ответственности человека.

Гольбах говорит: так же, как плодородные почвы производят плодовые растения, а плохие – плевелы, так и человек рождается либо злым, либо справедливым, и ничего изменить нельзя. Но в этом случае надо было бы признать воспитание бесполезным, однако такого вывода просветители никогда не сделают.

Действительно, если дурные поступки предопределены, то нельзя человека обвинять в преступлениях, нельзя его наказывать. Гольбах же, противореча сам себе и не замечая своего противоречия, говорит о наказаниях и вводит в качестве одно из них даже смертную казнь. Если всё предопределено, далее, то нельзя делить поступка на плохие и хорошие – они просто разные. Однако Жак уверяет, с одной стороны, что тогда слова «кара» и «награда» служат лишь пугалом для злых и поощрением для добрых людей. Но тут же добавляет: «Отнимите свободу – и в мире не будет более ни порока, ни добродетели, ни личных достоинств; награды сделаются неуместными, а наказания несправедливыми»².

Опять-таки ни Жак, ни хозяин не могут отрицать свободу. Ведь если **все** предопределено, то предопределены и свобода, и случайность. Это необходимо с точки зрения самого фатализма.

Хотя фатализм был необходим следствием механистического детерминизма, мало кто из просветителей видел это. Дидро видел. Парадокс фатализма, как хочет он показать, заключается в том, что признание предопределенности **всего** случающегося (сравни Гольбах: «Всё наблюдаемое нами необходимо, т.е. не может быть иным, чем оно есть»³) позволяет человеку вести себя так, как будто никакого фатального рока вовсе нет. Здесь и вырисовывается свобода, во-первых, в качестве негативного дополнения необходимости (судьбы как будто нет, все равно, что нет), а во-вторых как некоторая неисчерпаемость (и в этом смысле «незапрограммируемость») поступков человека: если все, что ни случится, должно произойти, то человек в своих действиях и мыслях не может быть ограничен каким-то одним вариантом. В этой связи Жак говорит: «Не ведая, что предначертано свыше, не знаешь ни чего хочешь, ни как поступаешь, а поэтому следуешь своей фантазии, именуемой разумом, или разуму, еще более опасному, нежели фантазия, ведущему то к добру, то к злу»⁴. – «Знает ли в этом случае само небо, чего оно хочет? Руководим ли мы судьбой или она руководит нами?»⁵. Таких предположений не делал никто, кроме Дидро.

Опять повторим: если все определяет природа (а она – основа всех рассуждений просветителей), то пороки определены ею; но их исправляет воспитание (другой полюс просветительских выводов). Тогда природа – не единственная и, может быть, не главная основа жизни и рассуждений. С другой стороны, на что ориентируется воспитание? – Ему не на что ориентироваться, кроме природы. Так мысль Дидро все время движется от тезиса к антитезису, и обратно.

Дидро не случайно возрождает диалог – благодаря ему он расщепляет противоречие и наделяет противоположными сторонами двух противников; видно, как они спорят друг с другом и как внезапно переходят на противоположные позиции, то есть спорят сами с собой.

Антиномически-парадоксальные выводы встречаются нас на всем протяжении диалога.

Точно такие же парадоксы мы увидим в столкновении необходимости и случайности, и Дидро необыкновенно изобретателен и ироничен по части изобретения подобных случайностей. Когда, например, Жак затевает

¹ Там же. С. 212.

² Там же. Т. X. С. 34.

³ Гольбах П. Система природы // Избр. произв. В 2 т. М.: Мысль, 1963. Т. 1. С. 39.

⁴ Дидро. Соч. Т. IV. С. 211.

⁵ Там же. С. 213.

ссору с трактирщицей, и она затем появляется с двумя бутылками шампанского, он ссору прекращает; ибо на роду ему (как и нам всем) было написано, что «всякий оратор, который обратится к Жаку с подобным вступлением, непременно заставит себя слушать»¹.

Дидро вводит совершенно случайных персонажей, не появляющихся нигде затем – пондишерийского поэта, погребальные дроги и т.п. Дидро объясняет, что Жак и хозяин могли хорошо поужинать, а могли лечь спать голодными; могли встретить хороших людей, а могли – злых. Все это одинаково возможно и одинаково случайно.

Любопытен эпизод с лошадей: лошадь Жака сбивается с прямой дороги и несет его к виселицам; т.к. нет ничего случайного, а все необходимо, то путешественники должны встретить там знакомых, но... виселицы были пусты. Ибо, говорит Дидро, на свете бывают и более удивительные случайности. Когда же во второй раз лошадь несет Жака туда же, хозяин замечает: «либо твоя лошадь с норовом, либо ты будешь повешен» (нарушая тем самым закон механического детерминизма, согласно которому из одной причины вытекает только одно следствие, а здесь их два). Когда же в третий раз лошадь несет Жака снова туда же, выясняется, что лошадь раньше принадлежала палачу, т.е. она бежит по привычке. А привычка – это необходимость или случайность? – Так Дидро вовлекает читателей в решение проблемы, заставляя нас задуматься над ситуацией. И американский исследователь Г. Дикман, и немецкий В. Краусс отмечают в связи с этим, что для Дидро необходимым было наличие публики².

Тот же парадокс движения от Т – к А обнаруживается в названном так сочинении «Парадокс об актере». В этой работе речь идет о том, в каком случае актер создает наиболее убедительный образ: тогда ли, когда он полностью слился с персонажем или тогда, когда он непрерывно контролирует свою игру?

Дени Дидро. Медаль работы Жозефа-Франсуа Домара, 1817. Фото с сайта <http://museumvictoria.com.au/collections/items/59235/medal-denis-diderot-france-1817>

Зритель согласен с первым и восклицает: «Как! Эти жалобные, скорбные звуки, исторгнутые матерью из глубины её существа и потрясшие мою душу, вызваны не настоящим чувством? Не само отчаяние их породило? Зачем мне тогда ходить в театр? Чтобы наблюдать притворство? – Но у Дидро готов ответ: если бы артисту достаточно было просто быть чувствительным, то как бы он мог с одинаковым успехом два раза подряд играть одну и ту же роль с равным жаром? Рассудочный актер, во-первых, играет в коллективе, поэтому он должен соотносить себя с ним. С другой стороны, он должен следить за реакцией зала и контролировать себя. Получается парадокс: он может вживаться в героя, когда он следит за собой; и он должен следить за собой, когда он вживается в героя.

Выработать единую систему декламации и жестов, создать цельный образ возможно лишь при холодном разуме, тонком вкусе, упорной работе и необыкновенной памяти. Все это соединилось в английском актере Гаррике, которому и посвящено это сочинение. Гаррике подчеркивает, что смеются и плачут артисты не по заказу, они создают лишь иллюзию этого – более или менее хорошую, правдивую – вот это зависит от того, каков актер. Он все время воплощает в себе две личности – он и живет в образе героя, и судит себя со стороны; это – он и в то же время не он.

Подобный майевтический подход присущ Дидро во всех его работах. Тем самым он подходит к границам механистического материализма, хотя и не выходит за них. Не случайно Гегель среди просветителей выделил Дидро как представителя диалектики. Таким был Дени Дидро (1713–1784) – активный оптимист, глубокий философ и тонкий мыслитель. Сегодня он – наш Современник, и мы вступаем с ним в диалог, соглашаемся и не соглашаемся и удивляемся глубине его ума. Он живет сегодня вместе с нами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. М.: Терра-Канон-Пресс-Ц, 2000. Т. 1.
2. Гегель Г.В.Ф. Соч.: В 14 т. М.: АН СССР, 1959. Т. IV.
3. Гольбах П. Система природы // Избр. произв. В 2 т. М.: Мысль, 1963. Т. 1.
4. Дидро Д. Собр. соч. в 10-т. М.–Л.: Academia, 1936–1947.
5. Chouillet J. *Diderot*. Paris: Societe d'Edition d'Enseignement Superieur, 1977.
6. de Fontenay É. *Diderot ou le Matérialisme enchanté*. Paris: Grasset, 1981.
7. Dieckmann G. "Diderot's Conception of Genius." *Journal of the History of Ideas* 2 (1941).
8. Dieckmann G. *Die Künstlerische Form des Reve de d'Alembert*. Köln; Opiaden: Westdeutscher Verlag, 1966.
9. Foucault D. "Diderot, Vanini, le courage socratique et le jugement de la postérité." *Anabases* 13 (2011): 121-129.
10. Jauss H.R. "Le Neveu de Rameau Dialogique et dialectique (ou: Diderot lecteur de Socrate et Hegel lecteur de Diderot)." *Revue de Métaphysique Et de Morale* 89.2 (1984):145-181.
11. Krauss W. "Zu einer Prosa Diderot." *Sinn und Form*. 14.2 (1962).
12. Rosenkranz K. *Diderot's Leben und Werke*. Leipzig, 1866, in 2 Bde.
13. Rush J. "Diderot, Socrate, et l'Esthétique de la farce dans *Le Neveu de Rameau*." *Eighteenth-Century Fiction* 6.1 (1993): 47-64.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Длугач, Т. Б. 300-летие Дени Дидро / Т.Б. Длугач // Пространство и Время. — 2013. — № 4(14). — С. 21—25.

¹ Там же. С. 322.

² См.: Dieckmann G. "Diderot's Conception of Genius." *Journal of the History of Ideas* 2 (1941); Dieckmann G. *Die Künstlerische Form des Reve de d'Alembert*. Köln; Opiaden: Westdeutsche Verlag, 1966; Krauss W. "Zu einer Prosa Diderot." *Sinn und Form* 14(2) (1962).